

оградив нас от опасности и от смерти при нашей высадке, когда мы радостно бросились на своих врагов, сидевших на лошадях; какую большую милость доставил нам всеблагий Господь, предав в наши руки Дамиегту, без малейшей опасности для нас. Мы никогда не овладели бы ею, если бы не принудили к тому голодом. Милость велика, мы можем это сказать, и всякий то видит ясно. Король Иоанн (Бриеннский, в 1219 г.) при наших предшественниках взял некогда Дамиегту голодом. Но я сомневаюсь, чтобы благий Господь мог сказать о нас то же, что он сказал о сынах Израиля, когда он извел их в Обетованную страну. Упрекая их, он говорил: «Et pro nihilo habuerunt Terram desiderabilem», и так далее. А сказал он так, потому что они забыли его, несмотря на все его милости. Он спас их, избавил от пленения фараонского и дал им землю по обетованию. Так он скажет после и о нас, когда мы забудем его, и как то будет объяснено ниже.

Начну с самого короля, который созвал всех баронов и прелатов и по прибытии их спрашивал у них совета: как поступить с имуществом, которое они напали в городе Дамиегте, и каким образом его раздать. Патриарх (Фулько Иерусалимский), нашедшийся там, говорил первым и сказал: «Государь, мне кажется, было бы полезно, если бы вы удержали за собой весь хлеб, жито, рис и другие съестные припасы; а чтобы город не был разграблен, объявите по войску, что все движимое должно быть доставлено в дом легата под страхом отлучения». Все бароны и другие согласились с тем, и так было поступлено. Оказалось, что все снесенное в дом легата не превышало ценою 6 тысяч ливров. И когда все было собрано в доме легата, король и бароны отправили за именитым выборным мессиром Жапом Валери. И когда он явился, король сказал ему, как он поступил по совету баронов, и что легат одолжит ему 6 тысяч ливров, во что оценено все имущество, снесенное в его дом; а он употребит эти 6 тысяч, где то окажется нужным и более выгодным. «Государь, — отвечал ему выборный, — я благодарю вас всеиже за честь, которую вы оказываете мне; но не сердитесь, я не приму этого предложения. С помощью Божьей я никогда не

откажусь от добрых древних обычаев, которых держались наши предшественники в Святой земле. При овладении каким-нибудь неприятельским городом или при взятии большой добычи одна треть найденного в городе принадлежит королю, а две трети пилигримам. Король Иоанн при взятии Дамиегты (1219 г.) крепко держался этого обычая. И, как я слышал от старых людей, король Иерусалимский, предшествовавший королю Иоанну, соблюдал этот обычай без малейшего отступления. Но подумайте, не предпочтете ли вы вручить мне две части хлеба, жита, риса и других вещей, удержанных вами, и я с большей охотой раздам все это пилигримам, во славу Божью». Королю не понравился этот совет, и так дело осталось. Но многие были весьма недовольны королем за то, что он нарушил добрые старые обычаи¹.

Королевские люди, устроившись удобно и разместившись в городе Дамиегте, начали закладывать свое имущество купцам, которые следовали за армией с хлебом и товарами и продавали им все необходимое по самой дорогой цене. Слух о том распространился по чужим странам, и издаലെка начали свозить съестные припасы в армию; все это причинило великое зло и ущерб. Бароны, рыцари и другие, которым следовало сохранять свое имущество и беречь его на черный день, давали друг другу пиры и наслаждались обилием яств. Простой же народ наносил оскорбления женщинам и девицам. А королю приходилось давать удовлетворение всем жаловавшимся на его людей и начальников. Сам добрый король говорил мне, что на полст камня от его латки были устроены дома разврата (bordeaux), содержимые его людьми. Было много и других зол, каких никогда прежде не видывали в армии.

¹ Людовик IX впервые попытался снять препятствие, которое всего более вредило военным предприятиям того времени: армия не имела своей казны и своих поставщиков; каждый заботился о себе сам и потому каждый имел свою долю в добыче; в случае же частной непредусмотрительности обедневшие становились бременем для войска. Людовик IX хотел уничтожить это зло, но оно было так тесно связано с духом феодализма, что попытка короля вызвала оппозицию.